

«Какая у нас медалистка большая!»

9 Мая не все ветераны, несмотря на всенародный праздник, будут чувствовать себя обласканными властями. Потому что так и не смогли получить благоустроенное жилье, на которое могли бы претендовать согласно Указу президента России. Не получила жилье Нина Ивакина (Новоселова), которой в июле исполнится 87 лет. Нина Назаровна в блокаду, будучи еще ребенком, вышла на работу в токарный цех завода, выпускающего оружие для фронта. Сегодня она ютится в углу комнатки (13 кв. м) в двушке, в доме-хрущевке на ул. Вавиловых (Калининский район).

Комнатку она делит вместе со взрослым внуком — инвалидом с детства. В другой комнатке (еще меньше) живут дочь Нины Назаровны с мужем. Как водится, три семьи (Нина Назаровна, ее дочь с мужем, взрослый внук) власти считают за одну, общее количество квадратных метров квартиры (с местами общего пользования — 44 кв. м) делят на троих (муж дочери в квартире не прописан), получается по 14 с лишним квадратов на человека.

За помощью Нина Назаровна обратилась на нашу горячую линию «36 квадратных метров».

«МЕЧТАЛА СТАТЬ БАЛЕРИНОЙ, НО ВОЙНА ВСЕ ПЕРЕЧЕРКНУЛА»

Корреспондент «ВП» в гостях у блокадницы. Классическая хрущевка, понятно, без лифта. Третий этаж (а у Нины Назаровны плохо с ногами, так что без посторонней помощи ей на улицу не выйти). Блокадница показывает свои «апартаменты». Мини-атюрная кухня (члены трех семей едят по очереди). А вот и комната, которую Нина Назаровна делит с 29-летним внуком. Два дивана. На маленьком, в углу, ютится блокадница.

— Мне покоя нет ни днем, ни ночью. Внук включает компьютер, телевизор. У него своя жизнь. К тому же он инвалид с детства, его периодически преследуют боли, он раздражителен, очень беспокойно спит. А у меня, пожилого и нездорового человека, и так бессонница, а если засну — сон очень чуткий. Так что я регулярно не высыпаюсь, чувствую себя очень плохо. Что же это за отдельная квартира, жить в которой невозможно? У меня же нет своей комнаты! Неужели я в последние годы жизни ее не заслужила? — недоумевает блокадница.

Нуждающейся в улучшении жилищных условий Нину Назаровну не признают. Прописывать в квартиру четвертого человека — супруга дочери — тоже смысла нет. Как показывает практика, власти сразу говорят, что тем самым люди сознательно ухудшают жилищные условия, и нужно ждать 5 лет, прежде чем обращаться за содействием. Нине Назаровне вот-вот будет 87 лет, о каких дополнительных пяти годах ожидания может идти речь?

Нина Назаровна не просит для себя отдельной квартиры. Но ей бы очень хотелось, чтоб власть имущие, учитывая ее ситуацию, дали возможность блокаднице с родственниками переехать из скромной двушки в скромную трешку. Чтоб у пожилой женщины, за-

щищавшей наш город в блокаду, была бы пусть маленькая, но отдельная комната.

Мы садимся на диван, и Нина Назаровна показывает старые фотографии. Кстати, выглядит блокадница замечательно: подтянута, идеальная осанка.

— Я еще и зарядку обязательно по утрам делаю. А вообще это старая закалка, наверно, сказывается. Я ведь до войны занималась хореографией. Уже большие партии в спектаклях самодеятельности исполняла, — улыбается Нина Назаровна. — Мамочка шила мне красивый балетный костюм, отделала кружевом. И пуанты у меня были. Мечтала стать балериной. Но война все перечеркнула, оставила сиротой. Нужно было идти работать, на что-то жить.

«МАМОЧКУ ЗАВЕРНУЛИ В ПРОСТЫНЮ И ПОВЕЗЛИ НА САНКАХ»

Когда началась война, Нине было тринадцать. Отец и брат ушли на фронт. Оба погибли, защищая Родину. Нина оставалась в Ленинграде вдвоем с матерью Анной Никандровной. Жила тогда семья в огромной коммуналке, в доме №5 по улице Жуковского.

— От холода очень страдали, спали в пальто. В огонь пошли стол, стулья. А потом и бросать стало нечего. За водой ходила с бидончиком и чайником на Неву. Возила их на саночках. На Неве во льду были лунки прорублены. Наберу воды — и обратно пытаюсь карабкаться: по обледенелым ступеням, по которым спускались с набережной. У самой сил подняться не было: но находился кто-то, помогал. Ставила бидончик с водой на саночки — и обратно, к себе, на Жуковского, — поясняет блокадница. — А со временем перестала реагировать на обстрелы: голод все остальные чувства притулял. Иду как-то с саночками по улице, и тут начинается обстрел. При чем где-то рядом. Мне люди кричат: «Давай

Эту комнатку Нина Назаровна делит со взрослым внуком.

скорей в парадное прячься!» А я так равнодушно думаю: «А, убьют так убьют».

Припасов не было. Только в начале войны мать успела насыпать сухариков, но те быстро закончились. Закончился и столарный клей, из которого варили студень. Золотое мамино колечко удалось выменять на плитку жмыха. Единственное, на что могли рассчитывать — на 250 граммов хлеба в день (по 125 граммов на две карточки), и то при условии, что отстоишь на морозе очередь и что хлеб завезут в булочную. Но случилось несчастье: знакомая украла их карточки. Мать с дочерью лишились даже этих 250 граммов. Ничего не было. Анна Никандровна слегла и больше не поднялась. Нина с соседями завернула мамочку в простыню, повезла на саночках.

— Везти было недалеко, иначе и не довезла бы. Морг был в больнице имени Куйбышева, в которой тогда располагался госпиталь. Привезла мамочку — а там трупы штабелями свалены замороженными. Где ее похоронили, точно и не знаю. Мне тогда сказали, что повезут на Охтинское кладбище, — вспоминает блокадница.

СПАСЛИ РАБОТА В ГОСПИТАЛЕ И НЕЗНАКОМЫЙ МУЖЧИНА

Нина осталась одна. Что делать? Решила пойти к тете, которая жила на Петроградской стороне. Надела мамин теплый жакет, в платок укутала до самых бровей: на улице-то дикий холод.

Путь лежал через Марсово поле. И тут как раз завывли сирены воздушной тревоги. Загрело кругом. Проходивший мимо мужчи-

на закричал: «Девочка, что стоишь, ложись!» А Нина и не среагировала. Мужчина бросился к ней, закрыл ее своим телом. Вместе бросились на снег. И спас Нину! Осколок ранил мужчину, но Нина осталась цела.

— Я себя потом корила, что даже не узнала, как его зовут. А он мне жизнь спас. Но я тогда от голода и цинги как будто и не в себе была, — словно извиняется блокадница. — Дошла я до дома, где жила тетя. А на ее двери написано, что находится она на оборонных работах. Все, думаю, больше пойти некуда. Нужно идти умирать на улицу. Вот так бреду и дохожу до госпиталя на Введенской улице. Там как раз с прибывшей машины раненых внутрь заносили. Стою, смотрю так равнодушно. Дяденька — медик (как потом узнала, начальник того госпиталя) — мне: «Это что же за чудо?» Ответила: «Это я, не чудо. У меня папа погиб, мама умерла». Он тогда и говорит медсестре: «Возьмем эту девочку, только вымойте ее хорошенько, подстригите, у нее вши наверняка». Так я попала в госпиталь. Меня покормили, отмыли. И я стала полы мыть, за ранеными ухаживать. Письма напишу, раны перевяжу. Сложные перевязки мне не доверяли, только что попроще. Если раненые просили, так я для них и пела.

По весне госпиталь куда-то отправляли, Нине предложили ехать вместе с госпиталем. Она отказалась, потому что не хотела уезжать из города, думала, что тетя вернется. И тетя действительно вернулась с оборонных работ — с воспалением легких. Стали жить вдвоем на Петроградке.

— Как-то мы с тетей пошли в нашу старую квартиру на Жуковского. Пришли, а в

ГОРЯЧАЯ
ЛИНИЯ

36 квадратных метров

Уважаемые петербуржцы! Если у вас возникли вопросы или претензии к тому, как выполняются обязательства по предоставлению отдельного жилья ветеранам Петербурга, звоните на нашу горячую линию. Журналисты Балтийской медиа-группы постараются вам помочь.

ТЕЛЕФОНЫ ДЛЯ ОБРАЩЕНИЙ:
325-39-83, 983-04-07

(с 11.00 до 18.00
с понедельника
по пятницу)

Материалы по работе горячей линии вы можете найти на сайте газеты www.vppress.ru

